УДК 343.352.(574):9

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ И ПРАВИЛА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «КОРРУПЦИОНЕРАМ» В ИСТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Татубаев Талгат Маратович,
Челябинский государственный университет,
соискатель кафедры политических наук и международных отношений,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kafedrapolit@mail.ru

Аннотация
Рассматриваются исторические аспекты возникновения коррупции в Казахстане. Анализируются примеры коррупционных практик из недавнего прошлого и способы противодействия им. Сделан вывод об опасности, которую представляет институциональная коррупция для современного государства.

Ключевые понятия:
обычное право,
коррупция,
клановая культура,
синхронизация правового поля,
компенсаторная функция
коррупционных сетей.

Коррупция в современном Казахстане – это явление, происхождение которого уходит в глубину веков. Ее следы можно обнаружить в обычном праве казахов (адате)[1]. Адат начал складываться в условиях родового строя и формирования кочевой культуры на территории Казахской степи, что протянулась более чем на 2200 км восточнее Прикаспийской низменности и севернее Аральского моря вплоть до Алтая. Сильное воздействие на кочевую цивилизацию оказало Монгольское ханство, а именно улус Джучи, в составе которого Казахская степь оказалась в начале XIII в. В дальнейшем адат испытал на себе воздействие шариата и русского права.

Первые письменные материалы по казахскому обычному праву относятся к XIX в. и принадлежат чиновникам царского правительства. Они возникли в результате общения последних с казахскими ханами, султанами, старейшинами и биями[2]. Тогда в казахском феодальном обществе ответственность за коррупцию в той форме, которая принята сегодня, не предусматривалась. Другими словами, до присоединения Казахстана к России и какое-то время после этого коррупция существовала в открытых легальных формах, выражающихся в регулярных повинностях и подношениях представителям знати. Так, родовая аристократия взимала с соплеменников-земледельцев налог, который назывался «ушур». Он составлял десятую часть урожая. Скотоводы платили «зякет», исчисляемый определенным количеством голов скота. Наряду с ними собирались натуральные подати в виде согума (сырое мясо) или сыбага (вареное мясо). Кроме того, разнообразные подарки полагалось подносить аксакалам.

Согласно «Описанию киргизских[3] обычаев, имеющих в Орде силу закона»: «...согум производится осенью, обыкновение это имеет в основании то, дабы хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении наро-

[1] Нормы «Адата» - не имели единого писаного источника и устно передавались из поколения в поколение, постепенно приспосабливаясь к меняющимся реалиям. (Прим. автора.)

[2] Хан являлся правителем жуза – племенного союза казахских родов, состоящего из многих волостей. Избирался на съезде всеми воинами, способными носить оружие. Султан руководил волостью (10 – 12 аулов). Эта должность передавалась по наследству. Старейшина возглавлял аул и избирался его жителями – совершеннолетними мужчинами. Бий – человек, заслуживший почет и уважение окружающих благодаря своему уму, красноречию, знанию древних обычаев и преданий. При разрешении возникавших споров именно он играл ведущую роль, поскольку пользовался одинаковым доверием и у казаха-истца, и у казаха-ответчика. Именно институт биев выполнял консолидирующую роль в жизни казахского общества, обеспечивая народное единство. (Прим. автора.)

[3] Под именем киргизов или киргиз-кайсаков в дореволюционной России были известны кочевники, которые населяли степные земли, входящие в состав современного Казахстана: Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиречинскую, Уральскую и Тургайскую, часть Астраханской губернии и междуречья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Сами себя они именовали «хасаками» или казаками (от тюрк. – отделившиеся, свободные). Это были племена, не пожелавшие находиться под властью Узбекского улуса и покинувшие его во второй половине XV в. Переименование тюркских казаков в киргиз-казаков (киргиз-кайсаков) было сделано русскими чиновниками в начале XVIII в. для того, чтобы отличать их от казаков – потомков завоевателей Сибири. (Прим. автора.)

да. Сыбага производится весною на тех же условиях, как и согум. Ордынец, пользующийся уважением в орде, хотя и занимает какую-либо должность, не может отказываться от принятия подарка, принесенного простым киргизцем» [14, с. 145].

В начале XVI в. в Казахстане появились законы под названием «Столбовая дорога хана Касыма», в основу которых был положен все тот же адат. Он был окончательно кодифицирован и дополнен в конце XVI в. (при хане Тауке) в виде единого свода «Жеті жарғы» (Семь установлений). Его положения включают в себя нормы гражданского, административного и уголовного права, религиозные правила и налоговые установления, охватывая практически все стороны жизни казахского общества. Отсутствие единого аппарата управления, осуществление властных полномочий старейшинами и главами родов единолично и по своему усмотрению в совокупности препятствовали зарождению в казахском праве норм, осуждающих взяточничество, злоупотребление должностным положением и т.д.

Казахское обычное право состояло из трех источников: обычая, практики судопроизводства и положения съезда биев. Судебные функции исполнялись ханами, султанами и биями. Разбирательство с участием хана рассматривалось как последняя судебная инстанция. Разъезжая по степи, улаживая споры и тяжбы, хан получал определенную сумму вознаграждения, называемую «ханлык» и равнявшуюся пятой доле имущества, судьбу которого требовалось решить (бию полагалось вдвое меньше). Адат не запрещал истцам и ответчикам делать судьям тарту (подарок), сыбага (угощение) и т.п. Поэтому представители феодально-родовой знати зачастую преднамеренно затягивали, усложняли уголовные дела и другие тяжбы, возникавшие среди населения, с расчетом получить крупное вознаграждение [1, с. 58, 59].

Известный историк академик С. З. Зиманов привел такой факт: «...в 1855 г. казахи рода Берш и Адай (Внутренняя орда) обратились в органы местной власти с групповым письмом о злоупотреблениях султана Кучангалия Шигаева – управляющего первой приморской частью. В нем они писали, что «...ежели ордынцы, имеющие тяжбы, явятся к Шигаеву с деньгами, то жалобы их он разбирает в скором времени. Если же иногда казахи приходят без подарков, то он не только разобрать их жалобы, но даже не показывается им, которые бывают вынуждены возвращаться в свои аулы. Проверка показала, что Шигаев не только творил подобные злоупотребления, но и продавал старшинские должности, за которые он брал по 100 и по 200 рублей серебром» [4, с. 191].

В соответствии с другим источником, «если судья не скоро решает дело, никакой штраф с него не взыскивается». Предполагалось, что за неправедный приговор он «ответит Богу в будущем веке». В случае появления новых фактов, которые были в состоянии изменить принятое ранее решение, они «предоставляются бию, и прежде вершившему оное дело». Просить разбирательства у другого судьи позволялось при условии, что истец или ответчик докажут пристрастность приговора [9, с. 34–36]. Однако в тексте нет никаких указаний на то, кому именно надо предъявлять эти доказательства. Как видно из приведенных правил, идеи дискреционности судопроизводства и косвенного запрета на апелляции в вышестоящие инстанции были изначально заложены в казахском адате.

В цитированном выше «Описании киргизских обычаев», составленном в 1846 г. чиновником по особым поручениям Оренбургской пограничной комиссии д'Андре, указано, что «по окончании суда не воспрещается бию принять подарок, поднесенный с которой либо стороны тяжущихся и таковое принятие не считается за лихоимство», и далее: «...ордынец, пользующийся уважением в орде, хотя и занимает какую-либо должность, не может отказываться от принятия подарка, принесенного простым киргизцем» [9, с. 126, 139].

Со своей стороны заметим, что принявший дар обязывался к отдариванию. То есть он соглашался поддерживать «неформальные» связи с клиентом на протяжении всей жизни не только его самого, но и ближайших потомков [11, с. 20]. Объективно данная норма укрепляла социум. Также существовало магическое поверье (ырым), что любая вещь, ранее находившаяся в личном пользовании представителя знати, которая получена в качестве ответного благоволения, способна притягивать богатство и счастье.

Следовательно, традиция казахов делать подношения вышестоящим лицам своими корнями уходит в социально-политические и экономические отношения, господствовавшие в казахском обществе в период позднего Средневековья и Нового времени. Говоря современным языком, коррупция коренилась в самом бытовом укладе. Ее причины – углубление социального и имущественного расслоения в обществе, жесткая иерархия между богатыми и бедными, трайбализм и

патриархальность, воспитывавшие психологию чинопочитания и стойкую привычку обращаться к власть имущим только в случае крайней необходимости. Последнее нашло отражение в фольклоре: «Төреге бармай-ақ, төбеге шыкпайлак» – «Не обращайся к торе – бесполезно, и не поднимайся до возвышенности», (слово «торе» означало всех чиновных должностных лиц). Другими словами, поговорка рекомендует тяжбу без суда и «официальности» в разбирательствах.

Если брать «справедливую» мзду в качестве оплаты за свой управленческий труд у казахов считалось вполне обыденным и понятным делом, то лихоимство, или попросту воровство, каралось строго. По свидетельству видного ученого и государственного деятеля Российской империи А. И. Левшина[4], составившего «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей», изданное в Санкт-Петербурге в 1832 г., казах, уличенный в воровстве, возвращает украденное в 27-кратном размере, и наказание это называется Айбана. Однако, «жена и дети, знавшие о воровстве мужа или отца и недонесшия на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семье не позволено доносить». Для изобличения преступника требовались показания двух, иногда трех свидетелей. За отсутствием таковых подтвердить или опровергнуть обвинение могла присяга, данная суду человеком, известным своей честностью.

Еще несколько характерных деталей: 1) подозреваемый, не явившийся на разбирательство после третьего требования, во внесудебном порядке обязывался к платежу всего иска; 2) при отказе от дачи показаний он также признавался виновным; 3) сообщивший бию о чьем-либо проступке должен был представить ему из числа своих соседей «достойного и богобоязливого» человека, готового под присягой подтвердить правдивость доноса. При несоблюдении данного требования сам доносчик подлежал наказанию[5]. В свою очередь, его знакомый, давший ложную клятву, подвергался изгнанию из рода. Ему грозил штраф размером «в одну лошадь и халат», а при невозможности его уплаты – «битье плетьми без счету»[6]; 4) если среди привлеченных сторонами свидетелей «один кто окажется поведения ненадежного, то перевес будет иметь уже та сторона, на которой все присяжные (присягнувшие) или свидетели будут честного поведения»; 5) отвод свидетелей по заявлению истца или ответчика автоматически означал приглашение «других, на коих бы не было подозрение во взятке»; 6) ответственность и издержки за доставку свидетеля в суд целиком лежали на том, кто его вызвал, а неприбытие свидетеля трактовалось как проигрыш дела[7]; 7) слово присягнувшего ценилось выше показаний свидетелей; 8) умышленная дискредитация кем-либо добросовестного свидетеля влекла за собой наказание плетьми; 19) женщины, наемные работники, слуги и подростки моложе 15 лет к процессу судопроизводства не допускались ни в каком качестве; 10) за укрывательство «беглого» (в нашей интерпретации – лица, пытающегося уклониться от обязательств или дознания) на доброжелателя, который это организовал «без ведома своих родственников и Аула», налагался штраф «в одну лошадь и один халат». С него взыскивались и расходы по поиску беглеца. В случае же, когда все делалось с согласия близкого окружения, никаких претензий не предъявлялось. Вместе с тем «кто вора ... у себя скроет, таковой также считается вором»; 11) «ежели поймают вора ..., а он на тех, кто его поймал, будет показывать воровство же или какие другие преступления, то словам этим веры не дают и оных не приемлют» [9, с. 21, 37–41, 50].

Здесь также прослеживаются некоторые коллизии, присущие современным антикоррупционным юридическим нормам и процедурам. Например, определение и криминализация незаконного обогащения, способ и мера компенсации ущерба потерпевшей стороне, получение и проверка достоверности показаний свидетелей и подозреваемых, толкование понятия «аффилированные лица» и т.д.

Не вызывает сомнения, что древние обычаи казахов имеют множество особенностей, отличающихся, по понятным причинам, от ныне действующих международных конвенций и национальных за-

[4] В 1831 г. А. И. Левшин занимал пост одесского градоначальника, в 1844 г. – управляющего министерства государственных имуществ, в 1855 г. был назначен сенатором и одновременно товарищем (заместителем) министра внутренних дел. Его научная деятельность отмечена званием почетного члена Российской академии наук. (Прим. автора.)

[5] В любом случае, доносчик у казахов традиционно был лицом презираемым. Об этом см.: [2, с. 190].

[6] Помимо этого, лжесвидетель подвергался общественному порицанию. Известная пословица гласила: «Жазалы ұрының бір беті қара, жазалы айғақтың екі беті қара» – у уличенного вора одна щека черная, у уличенного лжесвидетеля – обе». (Прим. автора.)

[7] Шестой и седьмой пункты однозначно говорят о том, что возбуждение дела являлось прерогативой лишь зажиточных людей. (Прим. автора.)

конов о противодействии коррупции. Но повседневная нормотворческая практика убедительно показывает, что чем глубже в обществе, тем более таком, которое переживает транзитивный переход (Республика Казахстан), противоречия между обычным и формальным правом, тем менее эффективной оказывается борьба с преступностью. Поэтому пристальное внимание к историческому опыту народа, его скрупулезное изучение и использование есть необходимая предпосылка успеха такой важной и сложносоставной политики, как антикоррупционная.

К слову, присоединение Казахстана к России инициировало процесс, который сегодня называется синхронизацией правового поля. Анализ документов той поры говорит о том, что там, где местная традиция не противоречила, а в чем-то даже дополняла законы империи, на нее старались опереться. Так, за оскорбление судьи и других участников «процесса» в казахском обычном праве предусматривалось битье плетьми виновного и наложение на него имущественного взыскания (одна лошадь и один халат). Омский временный комитет[8], занимавшийся определением приоритетности правовых предписаний, одобрил действие этой нормы. Также было подтверждено правило, согласно которому коллективное укрывательство «беглеца», когда за него вступался весь род, не влекло за собой наказания[9]. Не вызвал особых возражений и принятый у казахов порядок возмещения ущерба от воровства [9, с. 35, 50, 53].

В царствование Николая I было составлено подробное «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.), которое отличалось достаточно тяжелыми карами «за мздоимство и лихоимство», как тогда именовали коррупцию. Оно действовало вплоть до революции 1917 г.[10] В главе шестой пятого раздела за корыстные преступления по службе был предусмотрен широкий спектр санкций. Чиновник, получивший подарок и не возвративший его дарителю в течение трех дней подвергался денежному штрафу, вдвое большему, чем цена подношения, и отрешению от должности[11]. Дворянину, уличенному в «злоупотреблении властью и доверием начальства», полагалось лишение всех «личных и присвоенных прав и преимуществ» и ссылка в Томскую или Тобольскую губернии на срок от одного года до трех лет. Человека простого за то же самое секли розгами и отдавали в гражданские исправительные арестантские роты на более продолжительное время – от двух до шести лет.

За вымогательство предусматривалось «лишение прав состояния» и каторжные работы от шести до восьми лет. Посредники и сообщники также привлекались к ответственности, но «в меньшей степени». Взяткодатель, побудивший состоящее на службе лицо к противоправному действию в своих интересах, в зависимости от тяжести содеянного, наказывался либо «денежным взысканием вчетверо против данной или обещанной суммы и заключением в тюрьме на время от шести месяцев до одного года», либо «лишением собственных прав и преимуществ и помещению в смирительный дом на срок от двух до трех лет».

За склонение к подлогу и совершение его в корыстных целях предусматривалось: для лица благородного происхождения – лишение «личных и присвоенных прав и преимуществ», ссылка в Сибирь на два или три года; простолюдина могли подвергнуть телесной экзекуции и определить в гражданские арестантские роты на четыре – шесть лет [13, ст. 401–413].

Историки полагают, что, несмотря на угрозу столь сурового возмездия за коррупцию, она по-прежнему оставалась весьма распространенной среди государственных служащих разного ранга по причине несоблюдения принципа неотвратимости наказания. В 1847 г. число чиновников, судимых за мздоимство и лихоимство, составляло лишь 220 чел., в 1883 г. эта цифра равнялась 303 чел., а к 1913 г. достигла

[8] Структура, учрежденная царской администрацией Омской области (1822–1838 гг.) для сбора и обобщения сведений о правовом быте казахов. (Прим. автора.)

[9] Здесь уместно вспомнить старую казахскую половицу: «Көсеу ұзын болса, қолың құймес, ағайының көп болса адам тимес» – если кочерга длинная, не обожжешь руки, если много родных, люди не обидят. (Прим. автора.)

[10] Более совершенное с точки зрения юриспруденции Уголовное уложение 1903 г. вводилось в действие поэтапно, и к моменту свержения самодержавия статьи о наказуемости взяточничества в силу так и не вступили. Документ интересен тем, что в нем впервые было сформулировано определение должностного лица. (Прим. автора.)

[11] Дореволюционных юристов занимала проблема правовой оценки различного рода подарков, подношений, вручаемых служащим в качестве благодарности за уже содеянное, а также не за определённое действие, а «по обычаю», «к празднику», «на именины» и др. В частности, они выражали мнение, что такого рода подношения не должны быть наказуемы в уголовном порядке, поскольку являют собой укоренившийся обычай и служат «страховой премией для обывателей». См.: [5, с. 427].

1071 человека. Власти отдавали себе отчет в том, что попадаются на взятке далеко не все, и искали способы для профилактики этой социальной болезни [10; 3, с. 187].

Борьба со взяточничеством продолжалась и при Александре II. В ноябре 1864 г. был издан высочайший Указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы», во исполнение которого Сенат создал специальный комитет. Выяснилось, что основных причин три. «Первая – это несовершенство законов, которые, с одной стороны, угрожая жесточайшими наказаниями, с другой стороны, не только сами допускают случаи и способы, но даже и безопасное убежище тем, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их долженствовали. Вторая – не менее важная причина – бедственное и смело можно назвать близкое к нищете положение большей части посвящающих себя государственной службе, часто самого благорасположенного и лучшей нравственности чиновника невольным образом превращает во врага Правительству. Третья – в российском законодательстве не находится почти никаких оттенков между преступлением, совершённым из жадности и корысти, и вынужденным крайностью и нищетой. Тот, кто обогащает себя истощением Государства, кто приводит в отчаяние тяжущихся, вынуждая от них последние крохи, и бедный канцелярский служитель, взявший с просителя малое в чём-либо угождение несколько рублей, подвергаются равной участи» [8, с. 81].

В предреволюционный период в истории России, составной частью которой Казахстан тогда являлся, появился еще один нормативный акт, направленный на борьбу со взяточничеством. В 1911 г. министр юстиции И. Г. Щеглов внёс в Государственную думу законопроект «О наказуемости лиходательства» (дача взятки). В этом документе дача взятки трактовалась как отдельное преступление, нарушающее принцип безвозмездности действий по службе.

Уже в ходе Первой мировой войны в чрезвычайном Законе, принятом 31 января 1916 г., наказание за мздоимство и лихоимство существенно ужесточалось, особенно когда это касалось снабжения армии и флота и вообще вопросов обороноспособности. Также усиливалась ответственность за лиходательство, которое объявлялось безусловно наказуемым [7]. Изложенный материал свидетельствует о том, что и российское, и так называемое инородческое общества всегда были обеспокоены состоянием коррупционной составляющей управления и по мере возможностей пытались ее контролировать и пресекать.

Насильственное изменение государственного строя и формы правления в октябре 1917 г. не искоренило коррупцию, а сформировало лицемерное отношение к ней, немало способствовавшее распространению этого явления в новой административной среде.

Во-первых, само слово «коррупция» было убрано из обихода и вновь стало употребляться в официальном дискурсе лишь в конце 1980-х гг. Вместо него использовались термины-эвфемизмы: «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т.п. Отрицая понятие, отрицали и сам феномен, заранее обрекая на неудачу и его анализ, и последовательную борьбу с проявлениями коррумпированности[12].

Во-вторых, советская юридическая наука объясняла происхождение коррупционных явлений однобоко, исключительно с классовых позиций. Так, в закрытом письме ЦК КПСС «Об усилении борьбы со взяточничеством и разворовыванием народного добра» от 29 марта 1962 г. говорилось, что взяточничество – это социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества, которое Октябрьская революция ликвидировала. Вместе с ним ушли в прошлое и свойственные ему пороки. Среди негативных факторов назывались недостатки в работе партийных, государственных и профсоюзных органов по воспитанию трудящихся и подбору кадров. Отмечались бюрократизм и волокита при рассмотрении обращений трудящихся, нарушения государственной, плановой и финансовой дисциплины, снисходительное отношение к взяточникам.

Партократы не желали замечать, что советский строй породил специфические виды коррупционных преступлений: сращивание с преступными элементами работников контрольных органов, отпуск на сторону дефицитной продукции; приоритетное выделение фондов на оборудование и материалы; корректировка плановых заданий в сторо-

[12] Впрочем, нельзя не отметить определенных успехов советской системы на этом фронте. При И. В. Сталине за злоупотребление служебным положением в особых случаях предусматривалась смертная казнь. За растраты и хищения к уголовной ответственности привлекались, кроме расхитителей государственной собственности, также и те, кто бездействовал, попустительствовал или укрывал преступников. На все имущество вора, членов его семьи и третьих лиц, в отношении которых было доказано, что они пользовались краденными средствами, налагался арест в порядке обеспечения гражданского иска потерпевшей стороны. Эти меры, в сочетании с атмосферой всеобщего доносительства и опасения за свою жизнь и жизнь близких, давали свои плоды. (Прим. автора.)

ну их понижения; назначение на выгодные должности; махинации с материальными ценностями и финансовыми средствами; приписки. При этом представители высшей номенклатуры, за редким исключением, были практически неподсудны [6, с. 50, 51]. Сама же борьба со взяточничеством и незаконным обогащением носила характер показательных кампаний и применялась чаще всего в политических целях, для расправы с неугодными лицами.

По мере ослабления тотального контроля коррупция расширялась и на рубеже 1960–1970-х гг. пронизала многие государственные и партийные структуры, особенно в Средней Азии и на Кавказе. И лишь тогда, когда она достигала угрожающих масштабов, следовала смена руководства[13]. Однако в тот период стабильность «советской империи» поддерживалась уже не страхом и угрозой применения силы, как раньше, а своеобразным негласным договором, по которому регионы демонстрировали лояльность Москве, а та, в свою очередь, закрывала глаза на их «самодеятельность». Жесткие преследования коррупционеров не вписывались в это негласное соглашение. И как только КПСС стала терять власть, наиболее влиятельная часть республиканских элит сделала ставку на выход из состава СССР. Несомненно, что именно коррупция, а также запоздавшие и половинчатые меры по ее искоренению, в значительной степени усугубили кризис советского социализма и способствовали распаду страны.

Таким образом, история Казахстана до обретения им суверенитета знает несколько типов государственного устройства, а именно: ханский, имперский и советский, в поступательной смене которых отразилось развитие общества от кочевнического родового до индустриального. И на каждом этапе заметную роль в межличностных или межгрупповых отношениях играли неформальные контакты и связи, предполагающие обмен вещами и услугами. Эти отношения в значительной степени определяли «правила игры» в данном социуме, облегчая власть имущим контроль за подопечными, а также согласование ряда насущных вопросов.

Сами казахстанцы и сегодня полагают, что их своеобразный менталитет и широкое распространение родственных связей являются репликаторами теневых практик. В этом уверены более трети населения страны (37, 9%) [12, с. 57]. В непотизме и фаворитизме в угоду «своим» усматривается не нарушение официальных правил и инструкций, призванных регламентировать публичную сферу, а гуманное, «человеческое» лицо чиновника, дорожащего расположением близких и всегда готового им помочь связями и влиянием.

Вместе с тем, в основании подобных отношений скрыта коррупционная составляющая, что зачастую приводило к противопоставлению интересов их участников намерениям и устремлениям остальных членов сообщества. Так возникала и укреплялась клановая культура с взаимной порукой, которая является препятствием для прогрессивных перемен и формирования более эффективных институтов. Эта культура освящена традицией и обладает определенной легитимностью в сознании граждан. Соответственно, она не воспринимается как социальный вызов, и целесообразность санкций в отношении тех, кто ей следует, по меньшей мере неочевидна. Именно поэтому попытки ее «полной ликвидации» оказываются несостоятельными, а порой даже могут спровоцировать эскалацию социальной напряженности.

Заметим, что переход общества и государства в стабильную стадию эволюции совсем не означает автоматического снижения уровня коррупции. Вероятным следствием может быть ее институционализация или сращивание административной и политической коррупции, что объективно является угрозой национальной безопасности и требует адекватного ответа.

1. Алауханов, Е.О. Антикоррупционная правовая политика. [Текст] / Е.О. Алауханов. Алматы: Нурпресс, 2009. 256 с.

2. Гродеков, Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. [Текст] / Н.И. Гродеков. Т. 1. Юридический быт. Ташкент: Типо – Литография С.И. Лахтина, 1889. 289 с.

3. Ерошкин, Н.П. [Текст] / Н.П. Ерошкин. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

4. Зиманов, С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. [Текст] / С.З. Зиманов. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 293 с.

5. Лохвицкий, А. Курс русского уголовного права. [Текст] / А. Лохвицкий. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1871. 523 с.

6. Качкин, А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: Учебное пособие. [Текст] / А.В. Качкин, Т.Б. Качкина. Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2010. 80 с.

7. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России. [Электронный ресурс] / Н.И. Крюкова. Отрасли права: аналитический портал. URL: http://отрасли-права.рф/article/5370 (дата обращения: 29.09.2016).

[13] Показательным примером явилось знаменитое «Узбекское дело», которое вели следователи Генеральной прокуратуры Т. Х. Гдлян и Н. В. Иванов. По его итогам было осуждено свыше 4 тыс. человек. (Прим. автора.)

8. Кувалдин, В. Как русские цари боролись с лихоимством. [Текст] / В. Кувалдин // Чистые руки: Будущее без коррупции. 1999. № 1. С. 79–81.
9. Культелеев, Т.М. Материалы по казахскому обычному праву. [Текст] / Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. Сборник I. Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1948. 350 с.
10. Симонов, С. Ретроспективный анализ рассмотрения терминов «коррупция» и «коррупционная деятельность» в Казахстане. [Электронный ресурс] / С. Симонов. Закон KZ. URL: http://www.zakon.kz/4463930-retrospektivnyjj-analiz-rassmotrenija.html (дата обращения 29.09.2016).
11. Сураганова, З. К. Обмен дарами в традиционной казахской культуре. [Текст] / З.К. Сураганова. Астана, 2009. 192 с.
12. ТОО «Прэко-консалтинг»: Аналитический отчет по социологическому исследованию «Определение индекса восприятия коррупции в Республике Казахстан», проведенному по заказу Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции в период с июня по декабрь 2015 г. (Архив автора.)
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. [Текст]. Санкт-Петербург, 1845. Ст. 401–413.
14. Фукс, С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / С.Л. Фукс. Алма-Ата: Наука, 1981. 301 с.

References

1. Alauhanov E.O. (2009) Antikorrupcionnaja pravovaja politika. Almaty: Nur-press. 256 p. [in Rus].
2. Grodekov N.I. (1889) Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti. T. 1. Juridicheskij byt. Tashkent: Tipo – Litografija S. I. Lahtina,. 289 p. [in Rus].
3. Eroshkin N.P. (1968) Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii. M.: Vysshaja shkola. 368 p. [in Rus].
4. Zimanov S.Z. (1958) Obshhestvennyj stroj kazahov pervoj poloviny XIX veka. Alma-Ata: ANKazSSR. 293 p. [in Rus].
5. Lohvickij A. (1871) Kurs russkogo ugolovnogo prava. 2-e izd. Sankt-Peterburg. 523 p. [in Rus].
6. Kachkin A.V., Kachkina T.B. (2010) Korrupcija i osnovnye elementy strategii protivodejstvija ej: Uchebnoe posobie. Ul'janovsk: Oblastnaja tipografija «Pechatnyj dvor». 80 p. [in Rus].
7. Krjukova N.I. Otrasli prava: analiticheskij portal. 22.05.2015, available at: http: // Otrasliprava.rf/article/5370/korrupcija:eesushhnost'iistoricheskiekorniv Rossii (accessed: 29.09.2016). [in Rus].
8. Kuvaldin V. (1999) Chistye ruki: Budushhee bez korrupcii, no. 1, pp. 79–81. [in Rus].
9. Kul'teleev T.M. (1948) Materialy po kazahskomu obychnomu pravu. Sbornik I. Alma-Ata: Izdatelstvo Akademii nauk KazSSR, 350 p. [in Rus].
10. Simonov S. Zakon KZ. Rezhim dostupa: http://www.zakon.kz/4463930-retrospektivnyjj-analiz-rassmotrenija.html/ Retrospektivnyj analiz rassmotrenija terminov «korrupcija» i «korrupcionnaja dejatel'nost'» v Kazahstane (Data obrashhenija 29.09.2016). [in Rus].
11. Suraganova Z.K. (2009) Obmen darami v tradicionnoj kazahskoj kul'ture. Astana. 192 p. [in Rus].
12. TOO «Prjeko-konsalting»: Analiticheskij otchet po sociologicheskomu issledovaniju «Opredelenie indeksa vosprijatija korrupcii v Respublike Kazahstan», provedennomu po zakazu Agentstva Respubliki Kazahstan po delam gosudarstvennoj sluzhby i protivodejstviju korrupcii v period s ijunja po dekabr' 2015 g. (Arhiv avtora.) [in Rus].
13. Ulozhenie o nakazanijah ugolovnyh i ispravitel'nyh. (1845) Sankt-Peterburg. At. 401 – 413. [in Rus].
14. Fuks S.L. (1981) Obychnoe pravo kazahov v XVIII – pervoj polovine XIX v. Alma-Ata: Nauka. 301 p. [in Rus].

UDC 343.352.(574):9

NATIONAL TRADITIONS, CUSTOMS AND RULES OF FIGHT AGAINST «CORRUPT OFFICIALS» IN THE HISTORY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Tatubaev Talgat Maratovich,
Chelyabinsk State University,
Degree-seeking student of the Department Chair of Political Sciences and International Relations,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kafedrapolit@mail.ru

Annotation
The author considers historical aspects of corruption in Kazakhstan. The author analyzes examples of corruption practice from the recent past and ways of fighting against them. The conclusion about the danger of institutional corruption for the modern state is made.

Key concepts:
common law,
corruption,
crony culture,
synchronization of legal boundaries,
compensative function
of corruption network.